

18+

ДАВИД ПАВЕЛЬЕВ

Сыщики и экстрасенсы

Давид Павельев

**Сыщики и экстрасенсы.
Рассказы из сборника «Легенда
сыска Терентий Русаков»**

«Издательские решения»

Павельев Д.

Сыщики и экстрасенсы. Рассказы из сборника «Легенда сыска Терентий Русаков» / Д. Павельев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857198-5

Главный герой сборника детективных рассказов опытный эксперт-криминалист Терентий Русаков регулярно сталкивается с необъяснимыми явлениями и теми, для кого в них нет ничего загадочного — профессиональными ясновидящими, магами и гадалками. Сыщику предстоит раскрыть убийство индийского йога, разыскать яйцо Фаберже, похищенное преступником-гипнотизёром, найти автора смертоносных писем и остановить проделки злого духа, досаждающего жителям старого дома.

ISBN 978-5-44-857198-5

© Павельев Д.
© Издательские решения

Содержание

Смерть с утренней почтой	6
Гнев идола	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сыщики и экстрасенсы Рассказы из сборника «Легенда сыска Терентий Русаков»

Давид Павельев

© Давид Павельев, 2017

ISBN 978-5-4485-7198-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смерть с утренней почтой

Никогда еще мир науки не был так взбудоражен, как во время трагических событий, связанных с таинственными письмами, которые получали многие знаменитые ученые. Эту историю и сейчас вспоминают с содроганием. Со временем она обросла массой мифов и ложных подробностей, потому я, будучи свидетелем подлинных событий, а главное, человеком, которому знаменитый эксперт-криминалист Терентий Русаков первому поведал разгадку, считаю нужным рассказать обо всем, что я сам видел без прикрас и домыслов.

Для начала, дабы читатель оценил весь масштаб происшествия, я предлагаю несколько выписок из тогдашних газет.

Вот что писалось в одном из самых читаемых и авторитетных новостных изданий:

«Печальная новость для научного сообщества. На 46-м году жизни скончался известный микробиолог профессор Николай Муравьев. Причиной смерти предположительно явился апоплексический удар. По словам коллег профессора, его смерть может быть связана с неким письмом без обратного адреса, вскрыв которое и ознакомившись с содержанием, профессор мгновенно скончался. Источники утверждают, что похожий инцидент произошел днем ранее с профессором Львом Вершинским, сотрудником и учителем Муравьева. Известный ученый также получил анонимное послание и вскоре почувствовал себя плохо. Его срочно госпитализировали. К счастью, сейчас его жизнь вне опасности. Обстоятельства смерти Муравьева будут выясняться. Проводится расследование...»

Другое издание, склонное к сенсационным заявлениям, повествовало об этих драматических событиях в статье «Адресаты смерти», написанной в более смелой манере:

«Письма-убийцы снова гуляют по почтовым ящикам почтенных граждан! Благодаря эксклюзивным подробностям, полученным нашими корреспондентами, мы можем с уверенностью сказать, что причиной смерти профессора Муравьева было именно письмо, ибо на на листке, который он извлек из конверта за несколько минут до того, как покинул этот мир, была нарисована мертвая голова! То же самое было изображено на послании, полученном профессором Вершинским, что привело к не менее трагическому, хоть и не летальному исходу: ученый с мировым именем при смерти. Не исключено, что на письма был нанесен яд, действующий через кожу. Мы следим за развитием событий...»

Не мудрено, что этим происшествием заинтересовались и сторонники мистических объяснений, и вскоре в еженедельнике «Потусторонний вестник» вышла такая статья:

«Таинственная и смертоносная Мертвая Голова преследует крупных научных деятелей! Двое из них уже получили письма с её изображением, после чего один из них оказался на пороге смерти, а другой его переступил. Известно, что вот уже несколько лет оба ученых совместно работали над одним вопросом и были близки к открытию, тянувшие на Нобелевскую премию. Но в дело вмешались неведомые силы. Лучшие умы пытаются разгадать эту загадку, но пока безрезультатно. Не новое ли это предупреждение нашим научным толпам? Не пора ли вспомнить, что человеческий разум бродит впотьмах, не принимая в расчёт невидимые мистические силы?...»

Необходимо заметить, что все три издания по-разному, но вполне подробно восстановили картину происшествия, так как все они опирались на свидетельства одних и тех же лиц, которыми впоследствии воспользовалось и следствие.

Однако в точку, как ни странно, попала именно мистическая статья. Все дело в том, что оба почтенных ученых действительно работали над одной проблемой, суть которой толком не знали даже их коллеги.

Вершинский был пожилым и уважаемым ученым, которого иначе как гением никто назвать бы не посмел. Ещё в молодости он совершил ряд открытий, перевернувших многие пользующиеся популярностью, порой незыблемые теории. Этим он снискал себе великую славу и почести. Муравьев был самым талантливым из учеников Вершинского, получившим звание профессора в том возрасте, когда большинство ещё только становятся аспирантами. Его имя гремело на всю страну, и ему вместе с Вершинским пророчили все самые почётные российские и международные премии.

Но оба они, фанатично преданные науке, не имели времени, чтобы почивать на лаврах. Они усердно работали над новым витком своих достижений, и результат этой совместной работы обещал вновь перевернуть представления о микробиологии с ног на голову. Разумеется, ради развития человечества и его светлого будущего.

Но работали они до того скрытно, что их сотрудничество породило массу тёмных слухов. Кто-то полагал, что оба профессора сошли с ума и теперь создают бактерию-монстра или новую неизлечимую болезнь. А кто-то считал, что они, хуже того, поступили на службу иностранных разведок и готовят для них сверхсекретное оружие. Потому сторонники этих версий, как бы дико это ни звучало, даже обрадовались трагическим сообщениям газет.

Но что самое страшное – все ученое сообщество было до смерти перепугано. Сотрудники пострадавших своими глазами видели смертоносные письма в руках их адресатов за минуты до трагедий. Видели все и изображения мертвой головы. Потому никто не сомневался в том, что над ними навис некий злой рок.

Один профессор упал в обморок, получив конверт без подписи. Но, как оказалось, в нем была поздравительная открытка от внучки, посланная по случаю его именин.

Дошло до того, что учёные не только нашего города, но и доброй половины страны стали бояться совершать открытия, что грозило международным позором. Миру науки был нужен опытный детектив с холодным, трезвым рассудком и нестандартными методами. И он не заставил себя долго искать.

Однажды, спустя некоторое время после первого инцидента, Терентий Русаков пригласил меня в своё любимое кафе на набережной, куда я сразу же поспешил прибыть. Я застал его сидящим за столиком и сосредоточенно засовывающим лист бумаги в конверт. После того, как листок успешно оказывался внутри конверта, эксперт извлекал его и вновь повторял всё действие, смахивающее на какой-то одному ему известный ритуал.

На столике не было ничего, кроме коробки шоколадных конфет. При мне он несколько раз запускал туда руку и отправлял конфету в рот, после чего продолжал возиться с конвертом. Однако, когда я сел за стол напротив него, Русаков прекратил свои упражнения, тщательно вытер руку салфеткой и убрал бумаги во внутренний карман пиджака.

Поздоровавшись, он произнёс:

– Думаю, тебе будет полезно поучаствовать в расследовании этого дела. Оно запутывается с каждым днём. Не исключаю, что оно войдёт в историю криминалистики, так что ты со своими литературными способностями будешь отнюдь не лишним. Сегодня я узнал, что один из коллег пострадавших ученых тоже получил анонимное письмо с изображением «мертвой головы». Благо, руководство Академии Наук уже связалось со мной и я получил возможность контролировать ситуацию. В результате этого ученый не пострадал, и, что немаловажно,

эта информация не просочилась в газеты. Все силы нашей милиции брошены на розыск отправителя. Так что будем ждать сообщение об их успехах.

– Как? И все? – удивился я.

Русаков улыбнулся и заговорщически мне подмигнул.

– Увидим.

– Но что же такое было в этих письмах, что от них умирают люди?

– Хороший вопрос. Как показала моя экспертиза, в них могло быть всё, кроме яда. В моём распоряжении оказалось только два письма: первое, полученное Вершинским, было потеряно в суматохе, когда спасали пострадавшего. Да и в то время еще никто не догадался, что все дело в письме. Так вот, когда я изучил оба письма, то оказалось, что это самые обыкновенные письма. Самая обыкновенная бумага, самые обыкновенные конверты, которые продаются в самых обыкновенных газетных киосках. И даже пресловутая «мертвая голова» – самая обыкновенная. Взгляни сам.

Русаков вытащил из кармана фотоснимок и протянул его мне. Посмотрев на него, я воскликнул:

– Но это же какие-то пятна!

– В самую точку! Настоящий журналист всегда подберёт меткое слово. То, что твои падкие до сенсаций коллеги красиво и поэтично обозвали «мертвой головой» в действительности лишь кучка клякс. Но нельзя забывать, что когда бедный Муравьев увидел эти кляксы, его хватил удар. И этого я пока объяснить не могу, но надеюсь скоро это исправить. Если хочешь, можешь взглянуть на третью «голову».

Он протянул мне другую фотокарточку.

– Она выполнена уже более аккуратно, – сказал я. – Очевидно, художник набил руку.

– Да. Я тоже обратил на это внимание. Ну да ладно, «головы» нам больше ничего рассказать не смогут. Выжав из них всё, что можно, я стал досконально изучать образ жизни обоих пострадавших. Меня интересовали их привычки, порядки и обычаи. И кое-что я о них разузнал.

Итак, Лев Вершинский. Он не женат, что неудивительно при его полном погружении в науку. Живёт один в большой квартире в центре, любит работать дома. Он держит прислугу, а именно уборщицу, приходящую несколько раз в неделю, и кухарку. Также у него есть ассистент – молодой человек, студент. В некотором роде он исполнял почётную обязанность личного секретаря великого ученого. По крайней мере, вся корреспонденция проходила через его руки.

В тот день на квартире Вершинского было нечто вроде банкета по случаю какого-то успеха их института. Пришли коллеги, именитые ученые. После ужина все они собрались в кабинете и вели беседу, и тут ассистент, который тоже там присутствовал, принёс почту. Злосчастный конверт сразу же привлек внимание профессора. Он вскрыл его, увидел «голову» и... дальше ты сам понимаешь, что произошло. Ассистент уверяет, что и предположить не может, откуда могло взяться это письмо.

Далее, Муравьев. Он был вдовцом, жил один. Хозяйство ему помогала вести соседка – пожилая добросердечная женщина. Никаких ассистентов-секретарей у него и в помине не было. Я полагаю, что письмо он получил по почте. Корреспонденции у него было немного, не сказать мало, но если учесть, что эпоха писем уходит в прошлое, то достаточно. Но ящик от писем, в отличие от Вершинского, не ломился. Увидишь, это может быть важно.

Я поговорил с соседкой Муравьева и многое о нём выяснил. Он был скромным, тихим, но энергичным человеком, но самое главное, он не любил сладкое...

– А этот тут при чём?

– А! Взгляните вот сюда. Что ты видишь?

Он вытащил из конверта, с которым возился, листок и протянул его мне. На нём была изображена «мёртвая голова», но Русаков, очевидно, имел в виду нечто другое.

– Здесь какие-то пятнышки.

Я указал на несколько крохотных точек в середине верхней части листа. Приглядевшись получше, я воскликнул:

– Это же отпечатки пальцев отправителя!

– Нет. Это мои отпечатки, и «голову» нарисовал тоже я. Но на листке, полученном Муравьёвым, есть точно такие же. Это шоколад. Отпечатки смазанные и нечёткие, совершенно не пригодные для идентификации. По сути это открытие мне ничего не дало. Но всё же... Послушай, что предстоит нам сегодня. Профессор Вершинский почувствовал себя лучше. Они с Муравьёвым работали над одним и тем же проектом, причём в строгой секретности. Не следует ли искать причину именно здесь? Так что нам необходимо поговорить с ним.

Не успел Русаков закончить фразу, как в кармане заворчал телефонный сигнал.

– Русаков слушает... В самом деле?.. Чтож, поздравляю! Ждите, мы сейчас будем. – Убрав трубку обратно, он пояснил: – Они его поймали. Схватили за руку в самый момент, когда он клал письмо в почтовый ящик ещё одного учёного. К Вершинскому и Муравьёву он никакого отношения не имеет, но засады устроили у всех известных профессоров. Поехали, посмотрим, что за субъект попал к нам в сети.

Через четверть часа мы с Русаковым были уже в управлении уголовного розыска. К тому моменту следователь уже приступал к допросу задержанного. Им оказался очень угрюмый, небритый мужчина с болезненно красным лицом, сальной нечёсаной шевелюрой и изгрызанными до крови ногтями. Он сидел, сцепив крючковатые пальцы в замок. Когда мы вошли в кабинет, он поднял на нас взгляд, искажённый злорадной гримасой. Весь его обезьяноподобный облик напоминал агрессивного неандертальца из музея антропологии.

– Познакомьтесь, это Сидор Афиногенов, – представил его следователь. – Как оказалось, гражданин Афиногенов работал санитаром в институте бактериологии, откуда был уволен за пьянство и неадекватное поведение.

– Я так и думал, – произнёс Русаков.

– Также он состоит на учёте в психоневрологическом диспансере.

Задержанный обнажил клыки в знак подтверждения озвученных сведений.

– Неучи считают меня сумасшедшим, как и любого, кто знает слишком много о том, как устроен миропорядок, – грозно процедил он. – Вы, я вижу, тут главный. Я буду разговаривать только с вами.

– Хорошо. – Русаков поставил стул напротив него и сел. – Как же вы, ведающий столькими тайнами, опустились до мелкого хулиганства?

Афиногенов оценил, что Русаков воспринимает его всерьёз и даже обращается с ним почтительно.

– Это не хулиганство, гражданин начальник.

– Тогда зачем вы это делали?

– Видите ли, я не имею право раскрывать вам государственную тайну. Я дал клятву.

– Вы же сядете в тюрьму, – вмешался следователь.

– С вами я не намерен ничего обсуждать! – огрызнулся задержанный. – Вы слишком мелкая сошка.

– Мне вы можете сказать. Я – полковник Русаков, имею особые полномочия и специальный доступ к секретным материалам. Я должен убедиться: действительно ли вы владеете особой информацией.

Его глаза лихорадочно заблестели.

– Правда? Но я всё равно не могу назвать вам все подробности, полковник. Всё-таки я выполнял приказ самого президента!

- Вот как?
- Да. Я – секретный агент. Я получаю распоряжения непосредственно от руководства страны, минуя посредников, чтобы избежать утечки и предательства.
- Кто передаёт вам приказы?
- Они приходят ко мне секретной почтой.
- Вы можете доказать это? У вас остались письма?
- Нет. Я должен уничтожить письма, чтобы они не попали в руки вражеских агентов, которые повсюду. Так что сейчас они растворены в моём желудке.
- Ладно, я вам верю – всех секретных агентов инструктируют поступать именно так. Но вы уверены, что их отправлял именно президент? Быть может, вас ввели в заблуждение. Афиногенов задумался.
- Нет. Это исключено. На письмах стояла подпись верховного главнокомандующего.
- Письма были написаны от руки?
- Нет. Через трафарет.
- Это плохо, агент. Я располагаю сведениями, что вражеские шпионы научились подделывать подпись президента и отправлять от его имени ложные задания. Если это так, то вас могли подставить. Вы сядете в тюрьму не за хулиганство, а за государственную измену.
- «Секретный агент» побледнел и открыл рот, как вытасченная из воды рыба.
- Вы должны верить мне, полковник! Я самый преданный властям человек! Интересы государства для меня превыше всего. Как мне доказать, что меня дезинформировали?
- Давайте разберёмся в этом деле. Что конкретно от вас требовалось?
- Я должен был рисовать мёртвые головы и рассылать их умникам-изменникам!
- Так-так... Вам объяснили, зачем?
- Это должно было напугать их. Эти мерзавцы решили, что если у них мозги из ушей лезут, то их личные интересы важнее государственных. Они считают, что их открытия принадлежат всему миру, а не Отечеству, которое вскормило и вырастило их. Совсем зазнались. Ведут себя непочтительно с верными слугами правительства. Ан нет! Я должен был напомнить им, что головы их пустые и мёртвые без великого служения Родине!
- Вы не хотели их смерти?
- Нет, говорю же! Только наставить на путь истинный.
- Итак, вы, как истинный патриот, поспешили исполнять приказ. Сколько «мёртвых голов» вы нарисовали и отправили адресатам?
- Четыре.
- Вы уверены?
- Так точно, полковник. Я никогда не вру!
- Вы должны быть со мной откровенным, Афиногенов. Желая приукрасить свои подвиги, вы рискуете навлечь на себя подозрения в измене.
- Четыре! Я в точности исполнил приказ президента!
- Допустим. Вы знали лично Вершинского и Муравьёва?
- Да, когда работал в институте бактериологии.
- Вы знали, над каким тайным проектом они работали?
- Этого никто не знал, кроме них. Но я уверен, что их завербовали, и они выполняли задание вражеской резидентуры.
- Это говорилось в полученном вами приказании?
- Да. Но без подробностей. Я понимаю: некоторые вещи не положено знать даже мне.
- У вас возникали конфликты с Муравьёвым или Вершинским?
- Иногда, как и со всеми тамошними умниками. Они не ценили меня. Их гораздо больше заботило то, что я выпивал, а не то, что я патриот. Для них для всех я был жалким насекомым. Разве что профессор Муравьёв относился ко мне более-менее по-человечески.

– Несмотря на это, вы отправили ему «мёртвую голову»?

– Приказ есть приказ. Да и мне всё равно. Если он и жалел меня, то жалеть надо не меня, а его.

– Благодарю вас, агент. Вопросов больше нет. Вы попали в сложную ситуацию. Но я постараюсь замолвить за вас словечко.

– Значит, не нужно было этого делать?

– Очевидно, что вражеские шпионы перехватили приказ президента и подменили его. За этот провал вас навсегда отстранят от секретных поручений. Если вы избежите наказания, то считайте это почётной отставкой.

Русаков поднялся и даже протянул ему руку, но Афиногенов, которого, казалось бы, должны были ободрить эти слова, вдруг запустил руки в свои длинные лохмы и крепко сжал ими голову. Внезапно его тело стало судорожно трястись – он горько зарыдал. Следовательно поспешил налить ему воды из графина. Вцепившись в стакан, Афиногенов принялся бормотать:

– Ох... Профессор Муравьёв был хорошим человеком...

– Запишите все его показания, – сказал Русаков следователю. – А потом, думаю, придётся его отпустить. Он невменяем. Нам тут делать больше нечего. Удачи!

– Ну что, дело закрыто? – спросил я, когда мы вышли на улицу.

Русаков пожал плечами.

– Не думаю.

– Вы считаете, что таинственные «письма от президента» существовали в реальности? Наверняка он всё выдумал. Он затаил обиду на Вершинского и Муравьёва за то, что его уволили из института, и это наложило на навязчивую идею о «врагах отечества».

– Весьма вероятно. Тогда почему он отправлял «мёртвые головы» другим учёным, не имеющим отношения к институту бактериологии?

– Чтобы запутать следы.

– Но если он и смог выяснить адреса Вершинского и Муравьёва, то адреса остальных своих жертв были ему неведомы. Нет, Антон, в этом деле ещё слишком много таинственного. А вы меня знаете: не смогу я спокойно спать, пока не отвечу на все вопросы и не проверю все гипотезы.

– Значит, продолжаем расследование?

– Да. Навестим Вершинского. Сегодня ему стало лучше и врачи разрешили ему покинуть больницу. Пока он всё ещё лежит в постели, но дома, как говорится, стены лечат.

Вскоре мы уже поднимались по широкому вестибюлю дома профессора – монументальной постройки в стиле сталинский ампир, где ещё с прошлого века селились учёные и преподаватели городских академий.

Дверь нам открыл долговязый парень лет двадцати пяти со смуглым скуластым лицом и чёрными, как уголь, лохматым волосами. Одет он был в поношенные джинсы с затёртыми до дыр коленями и помятую, давно не стиранную футболку. Из-за его уха торчала сигарета.

– Вы Терентий Русаков? – осведомился он густым басом.

– Он самый.

– Проходите. – Он нехотя распахнул дверь и отошёл в сторону, чтобы пропустить нас. – Я – Тарас Косяковский, ассистент профессора.

Он провёл нас длинным коридором в просторный зал с высокими, почти как в цирке, потолками, служивший библиотекой и гостиной одновременно. Здесь с лёгкостью могли разместиться человек двадцать. Любой звук разносился по залу гулким эхом. Стены скрывали стеллажами с книгами, к которым даже приставили стремянку для доступа к верхним полкам – просто так до них не дотянулся бы даже человек столь высокого роста, как Русаков или немногим уступавший ему Косяковский. В углу расположился белый рояль, а центр зала занимал

круглый стол. С него так и не убрали опустевшие бутылки из-под шампанского, коробки конфет и блюда для фруктов. Эта картина, напоминавшая о трагически прерванном празднике, показалась мне особенно зловещей.

Косяковский кивнул на закрытые двустворчатые двери.

– Профессора сейчас осматривает врач. Вам придётся подождать.

– Разумеется, и мы с пользой проведём это время. Мне нужно задать вам пару вопросов.

– Как хотите.

– Как давно вы работаете с Вершинским?

– Второй год.

– В чём заключаются ваши обязанности?

– Перекладываю бумажки. Профессор называет это «систематизация». Печатаю рукописный текст – он так и не освоил технику. Ну и всякие мелкие поручения.

– Почта тоже в вашем ведении?

– Я только вынимаю письма из ящика.

– Вашему руководителю случалось получать нечто подобное раньше? Письма без обратного адреса, конверты без подписи, анонимные послания?

– Я не в курсе.

– Разве вы не должны сортировать корреспонденцию?

– Нет. Я на них даже не смотрю. Просто вынимаю и кладу ему на стол.

– Так было и в этот раз?

– Да. Я не видел, что это письмо какое-то необычное, если вы об этом. Оно было в стопке со всеми остальными.

– Может быть, оно всё-таки привлекло ваше внимание? Иногда так бывает: в суете мельком помотришь, отметишь про себя и забудешь.

– Нет. Ничего такого я не заметил. Неужто вы думаете, я на всё так пристально смотрю?

– Хорошо. Вы ответственно относитесь к своей работе?

– Стараюсь.

– У Вершинского возникали претензии к вам?

Ассистент замялся. Ему явно не хотелось говорить правду, но он сообразил, что Русаков может задать тот же вопрос самому профессору.

– Всякое бывало. Но, как видите, он меня пока не уволил. А разве это имеет отношение к делу?

– Конечно. Мне важно понять, как письмо оказалось у Вершинского.

– Но тут же всё очевидно...

– Не скажите. Значит, вы уверены, что письмо прошло через ваши руки?

На лице парня, как на экране, отразилась мысль, что это могло плохо на него повлиять.

– Ну, да...

– Но всё-таки вы его там не видели. Если бы вы серьёзней относились к своей работе, то наверняка бы обратили внимание на конверт без какой-либо подписи.

Косяковский скрестил руки. Он вообще держался весьма развязно, а теперь к этому примешался откровенный вызов.

– Вы прямо как мой учитель труда.

– А вы как довольно бесполезный свидетель, который не может помочь нам найти преступника.

– Я бы рад. Но если быть таким примерным и аккуратным, как вы хотите, то свихнуться можно. А я работаю, потому что нужно платить за образование. Я вырос в бедной семье, и всего должен добиваться сам.

– Ладно, Тарас, я не намерен вас осуждать. К тому же кое-что вы всё-таки можете для нас прояснить. Мы можем быть уверены, что вы вытащили письмо именно из почтового ящика? Его не передали вам или Вершинскому лично в руки?

– Нет. Ничего такого мне никто не передавал. А если бы его принесли Вершинскому, он вряд ли положил бы его в общую стопку.

– Вы присутствовали на фуршете?

– Я ушёл в самый его разгар. Меня, сами понимаете, никто не приглашал: для меня это была бы слишком большая честь. Я вынул почту из ящика, отнёс к нему в кабинет и ушёл.

– Тогда откуда вам известно, что Вершинский взял письмо именно оттуда?

– Об этом все вокруг говорят. Профессор был здесь, потом отлучился в кабинет. Когда двери открыты, отсюда хорошо виден его стол. Все видели, как он стал разбирать письма, а потом упал.

– В самом деле. Вы хорошо знали профессора Муравьёва?

– Не особо. Но человек он был хороший. Никогда не придирился ко мне, как все остальные. Обычно всем во мне всё не нравится: то не так сделал, это не так сказал. После меня, видите ли, воняет сигаретами. А всё потому, что я человек не их круга. К своим все снисходительны, а парень из глухомани, чужак.

– Не думаю, что всё так драматично. Могу дать вам простой совет: не считайте всех вокруг врагами.

В ответ парень наградил Русакова колючим взглядом исподлобья. Он считал его таким же, как и все остальные.

– Вы были в курсе, какие исследования они проводили?

– Нет. Этого ведь никто не знает, а я последний, кого они в это посвятили бы.

– Но вы же редактировали записи Вершинского.

– Только простые записи, касающиеся всяких институтских дел. За всё время я не видел ни одного документа об их с Муравьёвым опытах.

– Хорошо. Последний вопрос, и можете быть свободны. Вы любите сладкое?

Ассистент опешил и уставился на него так, будто бы тот над ним издевался.

– Не особо. Зубы, знаете ли, болят.

– Я так и думал. Чтож, благодарю вас. Не смеем вас задерживать и отрывать от работы.

Ассистент, и здесь услышавший издёвку, поспешил выйти из зала. Он явно был рад, что наконец от нас отделался.

– Неприятный тип, – заметил я. – И главное, себе на уме. Вам не показалось, что он что-то скрывает?

Русаков пожал плечами.

– Очень может быть. Очевидно, у него и в самом деле тяжёлая жизнь, да и великие учёные зачастую требовательны к своим помощникам. А вот и доктор.

Двери распахнулись и из кабинета показался невысокий худощавый человек в белом халате. Я знал, что это главный врач центральной городской больницы. Удивляться не приходилось: кто ещё мог заниматься здоровьем столь прославленного пациента?

– Терентий Гаврилович, вы уже здесь.

– Как видите. Стараюсь не терять ни минуты. Как он себя чувствует?

– Пока ещё довольно слаб, так что постарайтесь его особо не нагружать.

– Не беспокойтесь, доктор. Я всё понимаю.

Мы втроём вошли в комнату и увидели крупного пожилого мужчину с высоким лбом и длинными седыми волосами. У него была яркая и заметная внешность: тонкий нос с изящной горбинкой, подбородок с ямочкой, тяжёлые веки, из-под которых смотрели пронизательные глаза. Морщины на переносице свидетельствовали о привычке концентрироваться. В его

облике была какая-то степенность, так что я ни на секунду не смог бы забыть о том, что имею честь лицезреть светило науки.

Мы застали его что-то читающим, и доктор посетовал на то, что в его состоянии наука может и подождать.

– Поверьте, доктор, я почти в полном порядке, – ответил Вершинский с величавой аристократической вялостью, – и сгораю от нетерпения вернуться к исследованиям. Теперь я, к великой скорби, должен продолжать их один...

Врач покачал головой и тяжело вздохнул.

– К вам полковник Русаков. Он ведёт расследование этого случая в качестве приглашённого эксперта-криминалиста.

Вершинский оживился, снял очки и указал гостю на стул.

– Прошу, присаживайтесь, Терентий Гаврилович, – произнёс он с нотками сердечности. – Я наслышан о вас. Убеждён, что вы как раз тот человек, кто разыщет этого негодяя. Подумать только, его выходка свела в могилу такого милого человека!

– Тогда у меня для вас хорошая новость. Он уже задержан. Это невменяемый человек с неустойчивой психикой. Но не исключено, что он действовал по чьему-то наущению. Нам пока не удалось прояснить некоторые вопросы. Потому мы очень на вас рассчитываем, Лев Анатольевич.

– Постараюсь оправдать ваши надежды.

– Прежде всего я хочу спросить вас о так называемой «мёртвой голове». У меня сложилось впечатление, что и вам, и Муравьёву было что-то известно об этом символе.

– О, да... Это объясняет один нелепый случай. Однажды мы с Николаем Прокофьевичем возвращались из института и шли по улице, обсуждая наши исследования. Вдруг нас нагнал какой-то психопат. Жутко смеясь, гримасничая, как обезьяна, и скаля клыки, он прокричал: «Смерть вам от головы, жалкие снобы!» И убежал. Это повергло моего бедного коллегу в шоковое состояние. Он вообще был очень впечатлительным человеком, потому что у него было слабое здоровье. Мне тяжело сознавать, что я подвёл его. Я уверен, что приступ, произошедший со мной, никак не связан с этим письмом. Но Муравьёв, очевидно, связал это с тем случаем на улице и не пережил удара.

– Он присутствовал на том злосчастном фуршете в вашей квартире?

– Конечно. Как же без него? Он был моим ближайшим коллегой и другом.

– Сколько вообще там было человек?

– Около десяти, включая моего ассистента.

– Вы не знаете, куда могло подеваться полученное вами письмо?

– Я положил его на стол, а потом мне стало плохо. Я ничего не помню. Быть может, мой ассистент его взял. Но скорее всего кто-нибудь прихватил его в суматохе.

– Муравьёв, к примеру?

– Да вы что? Зачем?

– Конверт же мог взять кто угодно.

– Так то оно так, но это ни в какие ворота не лезет. Да и он же получил его по почте на следующий день.

– Видите ли, тому нет никаких доказательств. Более того, я уверен как раз в обратном.

– Но эта теория достаточно нелепа.

– Ну, строить теории – моя работа, а строить нелепые теории – мой метод. Письма из вашего почтового ящика вынимает ваш ассистент. Он не глядя вынимает всю пачку и несёт их вам. Но ведь у вашего друга не было ассистента, и всю почту он вынимает самостоятельно. Теперь представьте, что ему в руки попадает анонимное письмо, точно такое же, какое получили вы. Неужели он понес бы это письмо домой, зная, что случилось с вами? Он ведь предполагал, что оно отравлено. Нет, он в ужасе бросил бы конверт на пол. Но он не сделал этого.

– В самом деле, – согласился Вершинский. – Теперь, когда вы объяснили свою мысль, я вижу, что в ней гораздо больше логики, чем мне показалось сначала. И как тогда, по-вашему, письмо попало в руки Муравьёва? Вы и вправду думаете, что он сам его взял?

– Нет. Я полагаю, что ему подсунули его в карман в тот самый момент, когда вы упали. Все поспешили к вам на помощь, в том числе и Муравьёв. Он так испугался за вас, что не замечал ничего вокруг. Письмо в своём пиджаке он обнаружил лишь на следующий день. И это было в самом деле огромное потрясение. Шок просто убил его.

– Какой цинизм! – всплеснул руками профессор. – Знаете, это мог сделать мой ассистент. Очень подозрительный молодой человек. Я обращал внимание на его бегающие глазки – так и ищет, что плохо лежит. Молодёжь сейчас вообще отличается эдакой, что называется, напористостью, которой у нашего поколения отродясь не было. Они считают, что блага нужно вырывать у старших зубами из горла. Но мой ассистент – не хочу сказать, что он халатно относился к своим обязанностям – вёл себя достаточно нагло и разнуздано.

– Да, я только что общался с вашим ассистентом. Он не производит особо благоприятного впечатления. Но я всё-таки не занёс его в список подозреваемых. А знаете почему? Он, как и Муравьёв, не любит сладкое.

– Сладкое? – удивился Вершинский. – Но какое это имеет отношение к делу?

– Сейчас вы увидите, что самое прямое. На листке с «мёртвой головой» я обнаружил пять чётких отпечатков пальцев. У того, кто отправил письмо, были чем-то испачканы руки. Я довольно быстро понял, что это шоколад. Признаться, я сам его очень люблю. Но самое важное здесь не это. Эти отпечатки слишком смазанные, чтобы помочь уличить преступника. Но даже такие они кое на что сгодились. Вы обращали внимание, что когда вы вкладываете листок в конверт, и когда вынимаете, вы держите его по-разному? Чтобы вытащить бумагу из конверта вам достаточно зажать её двумя пальцами и просто потянуть. Даже если вы держите бумагу всеми пятью пальцами, то отпечатков мизинца и безымянного пальцев не останется вовсе, потому что вы не будете нажимать ими на бумагу. Другое дело, когда вы вкладываете листок в конверт. Вы должны приложить гораздо больше усилий, для чего вам нужно крепко зажать бумагу всеми пятью пальцами. Так вот, на том листке отпечатки пяти пальцев. Следовательно, его не вынимали, а вкладывали в конверт.

Вершинский внимательно слушал, подперев щеку кулаком.

– И что это вам говорит?

– Это говорит, что именно вы вложили «мёртвую голову» в конверт. Ведь в тот вечер вы ели шоколадные конфеты, не так ли?

– Подождите... вы хотите сказать, что мы с Николаем Прокофьевичем получили одно и то же письмо?

– Нет. Я хочу сказать, что письмо получил только Муравьёв. А вы его отправили.

Профессор строго уставился на Русакова, будто бы тот был нерадивым студентом, допустившим глупую ошибку на экзамене.

– У вас любопытная манера шутить, Терентий Гаврилович. Вот только это совершенно не смешно.

– Никто и не смеётся. Только не нужно говорить мне, что я не смогу этого доказать. У вас эта фраза на лице написана.

– Ваша словесная акробатика лишь доказывает, что я убрал письмо обратно в конверт. Я действительно сделал это, прежде чем почувствовал себя дурно. Но то, что я подложил конверт Муравьёву – никак.

– Да. Но зато рушит красивую историю о полученных по почте письмах-убийцах, которую вы хотели сделать главной версией происшедшего. Теперь вам придётся придумывать себе оправдание, что у вас вряд ли получится. Вам не поверят.

– Пойдите... – не удержался я. – А Афиногенов?

– Профессор манипулировал этим несчастным, чтобы сбить нас со следа. На его счету только два последних письма из четырёх, хоть он признаётся во всех из обычного для маньяка тщеславия. Надо сказать, что Афиногенов весьма неумело скопировал «мёртвую голову». Точнее, он как мог старался срисовать её с присланного ему образца, но это старание его и подвело. Ведь вы-то как раз и не старались, а просто ляпнули два пятна на бумагу. Получилось похоже на человеческий череп.

– Но зачем?

– О, это очень поучительная история. Жил-да-был один учёный. Он не был лишён таланта и хорошо начал свою карьеру. Вдобавок у него был напор, которым он разрушал старые постулаты науки и воздвигал новые. Ему везло, и очень скоро он оказался на вершине Олимпа, достиг всего, чего только желал: слава, почести, восхищение, зависть. Его авторитет становится непререкаемым, на него ровняется весь учёный мир.

Но что же случилось потом? А потом было вот что: он посчитал, что трудиться, рисковать потерпеть неудачи и потерять реноме больше не нужно. Ведь всё, что нужно, уже есть. Нужно лишь почивать на лаврах и имитировать бурную деятельность.

Так продолжалось довольно долго, и ничто не омрачало его существования, пока не появился молодой, энергичный, деятельный, и, возможно, более талантливый учёный. Он преклонялся перед своим учителем и вскоре они стали работать вместе. Вернее, работал только молодой учёный, а его старший коллега делал вид, что работает и направляет своего ученика в нужное русло.

И вот результат близок. За него можно получить премию и золотыми буквами вписать свои имена в историю науки. Но доволен ли этим наш герой? Нет! Он хочет один и только один получить честь открытия. Для этого он решает убить своего ничего не подозревающего коллегу...

Вершинский криво усмехнулся.

– Всё это очень занятно, полковник. Только это исключительно ваш вымысел. Вам бы детективы писать.

– План убийства был составлен очень быстро, – звенящим металлом голосом продолжал Русаков. – Его подсказала сама жертва. У него было слишком слабое здоровье. Вы нашли Афиногенова – пьяницу с неуравновешенной психикой и стали манипулировать им, умело играя на его навязчивых идеях. Вы заставили его напугать Муравьёва на улице. Этого маленького толчка хватило, чтобы лёд тронулся. Далее вы на глазах десятка человек ловко разыграли комедию с получением письма, нарисованного вами же за несколько часов до этого, и последующим приступом. Этим вы убили двух зайцев: напугали Муравьёва и обеспечили себе алиби. И правда: кому пришло бы в голову, что отправитель – вы, в то время как вы сами якобы пострадали от такого же послания?

Разыгрывая приступ, вы незаметно сунули конверт в карман Муравьёва, который первым подбежал к вам, чтобы оказать помощь. Этим мистический эффект был в разы усилен. Представляю, в каком ужас пришёл Муравьёв, обнаружив письмо в своём пиджаке. Не удивительно, что удар сразил его тотчас же.

Потом Афиногенов продолжил ваше дело. По вашей задумке его должны были найти и задержать. После этого в вашей невинности усомнился бы только сумасшедший. Но вы просчитались. Ваша лень, которая во многом и привела вас на преступный путь, послужила для вашего же разоблачения. Я заподозрил вас, сличив две «мёртвые головы»: одна вашей руки, другая нарисована Афиногеновым. Всё дело в том, что вам было совершенно без разницы, что нарисовано на этом листке. Чтобы не утруждать себя, вы просто ляпнули на бумагу две кляксы. Получилось что-то похожее на череп. А вот вашему последователю требовалось проявить гораздо больше художественных навыков. Он должен был постараться, чтобы нарисовать

череп, похожий на ваш. Ну и, конечно, конфеты. Любовь к сладкому также способствовала вашему разоблачению.

Учёный, всё это время слушавший Русакова, уставившись на него налитыми тупой злобой глазами, вдруг залился наигранным хохотом.

– Ну и что? Что изменит ваша блестящая цепочка умозаключений? Допустим, вы докажете, что я нарисовал «мёртвую голову». Я отвечу, что это была всего лишь шутка, и никто меня ни в чём не обвинит.

– Спорить на стану: закон вас наказать не сможет. Но вы кое о чём забыли – о вашем открытии. Теперь весь мир узнает, что его автором был Муравьёв, а ваша «шутка» стала причиной его смерти. Все отвернутся от вас. Ваш прежний авторитет рухнет, как карточный домик, и пятно с репутации вы уже никогда не отмоете.

Эта перспектива заметно умерила его весёлость. Он побелел и затрясся, а тонкие губы судорожно зашевелились, бормоча проклятия в наш адрес.

– Чёрт вас принёс, Русаков... зазнавшийся ищейка...

Эксперт поднялся с места, я спрыгнул с подоконника.

– Не могу желать вам всего доброго, да и свидание у нас с вами вряд ли будет, потому что счастливо оставаться, Вершинский.

Мы вышли из кабинета. Встретив в коридоре главврача, Русаков сказал ему:

– Как я и ожидал, профессор – ловкий симулянт. Но за ним всё равно нужно присмотреть. Того и гляди его хватит настоящий удар.

Доктор понимающе кивнул.

Когда мы вышли на улицу, я не удержался и воскликнул:

– Ну и негодяй! Это же было самое изощрённое убийство из всех, какие я знал!

– В самом деле, – согласился Русаков. – Я сомневался до последнего, даже когда подозреваемых уже не оставалось. Мне было очевидно, что Афиногенов здесь не причём. Был ещё ассистент Косяковский, который вёл себя несколько странно. Может быть, он и в самом деле был бы не прочь проучить профессоров, которые, по его мнению, относились к нему неподобающим образом. Но подобная многоступенчатая операция с отвлекающими манёврами – явно не его стиль. К тому же он вряд ли сумел бы манипулировать Афиногеновым. У него не хватило бы на это ни изобретательности, ни силы убеждения. Преступник явно был более опытным и изощрённым. К тому же Косяковский не был знаком с Афиногеновым: тот был уволен ещё до его появления. А настоящий преступник явно знал о навязчивой идее бывшего санитаря. Значит, он тоже работал в институте микробиологии. Круг подозреваемых существенно сузился. Я был уверен, что Муравьёв не вытаскивал конверт из своего ящика. Я не зря привлёк твоё внимание к факту, что ему мало писали. Вероятность того, что Муравьёв прихватил конверт вместе с ворохом другой корреспонденции, исключалась. А тащить домой конверт без подписи, после того, как от такого же пострадал его ближайший коллега – в высшей степени опрометчиво. Сомнений не оставалось: письмо подсунули в карман пиджака. Это мог сделать кто-то из гостей фуршета у Вершинского. Круг подозреваемых сузился, и в нём оказался сам Вершинский. Но я долго отказывался верить в его виновность, пока не разобрался с шоколадными пятнами и рисунками Афиногенова.

– Блестяще!

– В сущности это было не очень трудно, – смущённо заметил Русаков. – Вершинский рассчитывал на то, что убийство замаскировано под всей этой мистической шелухой, а его не заподозрят, так как он сам пострадавший. Потому и допустил столько проколов, и факты оказались к нему безжалостны.

Вершинский всё-таки избежал наказания, но усилия Русакова не пропали даром. Муравьёв получил премию посмертно. Его имя увековечено в истории науки.

Подробности этого дела не были освещены в печати, так как истинная разгадка могла показаться куда прозаичнее, чем многочисленные красивые версии и мистические домыслы.

Но я, натываясь в газетах на сообщения о необъяснимых таинственных событиях, всякий раз думаю, какое же преступление за ними скрывается? Но они ещё ждут своего детектива. Острый разум не упустит ни одного злодея даже в этом таинственном тумане.

Гнев идола

Позже Терентий Русаков скажет, что с этим делом его познакомила погода. И действительно, только силы природы смогли загнать знаменитого эксперта в сувенирную лавку Йога Рамачакранты.

В то утро стоял жуткий мороз. Русаков возвращался из букинистического магазина, который располагался в квартале антикварных и сувенирных лавок и где специально для него доставали редкие издания. Одет он был достаточно тепло, но в какой-то момент ему стало ясно, что он превратится в сосульку раньше, чем дойдёт до автобусной остановки. Потому он принял решение зайти в первую попавшуюся на пути дверь дабы согреться.

Это оказалась невзрачная дверь с пёстрой вывеской на незнакомом ему языке. Стоило Русакову переступить порог, как в нос тотчас же ударил запах благовоний. Оказалось, что это лавка индийских сувениров.

Прилавки были уставлены всевозможными фигурками многоруких божеств и священных животных. Помимо этого в лавке продавались баночки с разноцветными веществами, книги и брошюры, а также украшения из жемчуга и даже золота.

За прилавком восседал смуглолицый, довольно угрюмый субъект с большой головой, треугольной формы носом, тёмными густыми волосами, скрытыми под белоснежной чалмой. Его рот, довольно тонкий для индийца, был скривлён в высокомерной улыбке, а глаза закрыты. Он был абсолютно неподвижен, и оставался таким всё время, даже когда дверные колокольчики известили о появлении посетителя. Очевидно, его астральный дух пребывал далеко от тела.

Позади продавца высилась статуэтка, изображавшая человека с крупными чертами лица, поразительно напоминавшего его самого.

Русаков с интересом изучал ассортимент товаров, но его внимание ничего не привлекало. Выходить на улицу пока ещё не хотелось, и он решил пообщаться с продавцом, чтобы побольше узнать об этих экзотических вещах.

– Простите...

Индуc открыл глаза и недовольно сверкнул ими в сторону столь назойливого посетителя.

– Наверное, я оторвал вас от чего-то важного, – улыбнулся Русаков.

– Ничего. Я привык.

Он говорил холодным, надменным голосом, отчётливо выговаривая каждую букву. Видимо, это давалось ему с трудом и оттого его речь не отличалась дружелюбием.

– У вас очень интересные товары.

– Спасибо.

– Они изготовлены в Индии?

– Да. Именно там.

– Эти предметы имеют какое-нибудь ритуальное значение?

– Да. Но для местного населения это всё равно обычные сувениры.

– Неужели? Не думал, что мы так невежественны. А вот это что? – Русаков указал на статуэтку за его спиной. – Мне приходилось бывать в Индии по долгу службы, но ничего подобного я там не встречал.

– Ничего удивительного. Второго такого вы и не увидите.

– К какой культуре он относится?

– Не важно. Всё равно он не продаётся.

Продолжать разговор было бессмысленно. Русаков почувствовал, что согрелся, и, хоть выскакивать на мороз так быстро не хотелось, он решил, что чем быстрее он покинет лавку, тем быстрее окажется дома.

– Чтож, всё равно спасибо, – сказал он индийцу.

Продавец проводил несостоявшегося покупателя равнодушным взглядом и снова закрыл глаза.

Прошло несколько дней, и Русаков забыл о своём визите в странный индийский магазин. В то утро на улице стало теплее, и он решил предпринять традиционную прогулку до ближайшего газетного киоска, чтобы купить свежую прессу. Но не успел он надеть пальто, как зазвонил телефон.

– Русаков слушает.

– Здравья желаю, Терентий Гаврилович. Кудрявцев беспокоит.

– Здравствуй, Митя. Как поживаешь?

– В целом нормально, если не считать свежего трупа с утра пораньше. Кстати, дельце и вас может заинтересовать. Знаете лавку индийских сувениров на бульваре?

– Знаю. Ладно, я скоро буду.

В лавке Русакову показалось, что это не то место, где он был недавно. Это объяснялось тем, что царившая здесь мистическая атмосфера была нарушена присутствием множества людей, выполняющих свою работу, что вносило в обстановку будничность и рутинность.

Заметив начальника уголовного розыска Центрального района Кудрявцева – высокого майора лет сорока со стриженными ёжиком жёсткими седеющими волосами, Русаков направился в его сторону.

– Я смотрю, преступникам холод не помеха, – сказал он, пожав его руку.

– Для нас тоже.

Он указал на широкую спину старшего следователя прокуратуры Ковыльца, очевидно, заслонявшую что-то важное.

– Иван Фёдорович! – окликнул его Русаков.

Следователь обернулся и его угрюмое лицо просияло при виде старого приятеля.

– А, добрый день! Вот, посмотрите.

Он отошёл в сторону и Русаков увидел продавца. Тот так же сидел, скрестив ноги, но его голова лежала на прилавке, лицом обращённая ко входу. Чалма из белой превратилась в красную. Выражение лица казалось ещё страшнее, чем при жизни, из-за того, что блестящие острые клыки были оскалены в сардонической ухмылке.

– Что скажете? – спросил следователь.

– Очевидно, ему разбили голову ударом тяжёлого тупого предмета.

– Скорее всего убийца подкрался сзади, так как жертва не оказала сопротивления, – добавил Кудрявцев. – Дверь чёрного хода была открыта. Мы даже успели зафиксировать следы на снегу, пока их не затоптали.

– Личность убитого установлена?

– Да. Он был известен как Йог Рамачакранта. Он пользовался популярностью у любителей индийской культуры и всех желающих обрести смысл жизни. Ну, вы поняли, о чём я.

– Понял. Вы удивитесь, но и я не так давно сюда заходил.

– Неужели?

– Да. Всего лишь погреться.

Кудрявцев с облегчением выдохнул.

– Успокоили.

– Кстати, на полке за спиной Йога стояла какая-то статуэтка. Она привлекла моё внимание, потому что в Индии я ничего подобного не встречал. Так вот, сейчас её нет.

Ковылец, не ожидавший от Русакова такого подарка, тут же схватил папку с протоколом и записал этот факт.

– Кроме этого ничего не пропало? – поинтересовался эксперт.

– Не похоже, – ответил Кудрявцев. – Деньги в кассе, побрякушки на витринах. Никаких следов взлома нигде нет.

– Но с точностью этого утверждать нельзя, – добавил следователь. – Убитый не вёл учёта своих товаров.

– Как же он тогда платил налоги? – удивился Русаков.

– Видите ли, это заведение вообще можно назвать магазином лишь условно. Йог Рамачакранта вёл деятельность, связанную с духовным просвещением населения, и распространял литературу и культовую атрибутику бесплатно. Конечно, он не отказывался от торговли, но это мы должны ещё доказать.

– Иными словами, он был мошенником, – заявил Кудрявцев, предпочитавший называть вещи своими именами. – И его, как пить дать, кто-то прикрывал от внимания наших коллег из налоговой инспекции.

– А вот это уже любопытно, – протянул Русаков. – Значит, вы говорите, что убийца вошёл не через парадный вход, как любой посетитель лавки, а с чёрного хода?

– Так точно. Судя по всему, убийство произошло ночью, когда лавка закрыта для посетителей.

– Давайте посмотрим.

Сыщики зашли в подсобное помещение, такое же тёмное, пыльное и заставленное, как и торговый зал.

Осмотрев замок, Русаков сообщил:

– Следов взлома нет, значит, отмычка исключается. Дверь была открыта ключом, и сделал это либо убийца, либо пострадавший. А это наводит на мысль, что они хорошо знали друг друга. Возможно, это кто-то из сотрудников лавки.

– Проблема в том, что он работал здесь один, – сказал Кудрявцев. – Но я успел допросить продавца соседнего магазина – он, кстати, и обнаружил труп. И он поведал мне, что в лавке постоянно ошивались некие «постоянные клиенты», любители восточных верований. Я попросил его описать их, и по приметам кое-кого опознал.

– Ну, не томи.

– Дормедонтов, начальник одного из отделов городского казначейства.

– Даже так?

– Он-то и бывал здесь чаще других. Нюхом чую: он и есть «крыша» нашего йога.

– Согласен, с него и нужно начинать поиски.

– Я уже позвонил ему на работу. Там сказали, что он дома. Ему нездоровится.

– Ты знаешь его адрес?

– Обижаете, Терентий Гаврилович! Можем поехать к нему прямо сейчас.

– Поехали. Этот Дормедонтов обещает быть презанятным типом.

– Да, поезжайте. Я останусь здесь и закончу осмотр, – сказал Ковылец.

Дормедонтов жил в самом центре города, так что сыщики могли бы дойти до его дома пешком. Это был массивный пятиэтажный дом, построенный в пятидесятых годах XX века, с характерной лепниной и колоннами в псевдоклассическом стиле. Раньше здесь обитали видные партийные деятели и городские чиновники. В новом веке здесь жили в основном их потомки или же те, кто хотел подчеркнуть свой статус. Современное начальство предпочитало загородные коттеджи или элитные новостройки. А дом Дормедонтова, несмотря на богатую историю и выгодное расположение, пребывал в достаточно запущенном состоянии. Стены нуждались в покраске. Двор зарос бурной растительностью. В подъезде стоял запах затхлости. Большинство дверей были ровесницами дома. Сыщики не рискнули воспользоваться старым скрипучим лифтом и поднялись на нужный этаж по лестнице с разохшимися перилами. Дверь квартиры Дормедонтова, сделанная из пуленепробиваемой стали, сильно напоминала черепаший панцирь. Кудрявцев с силой надавил на кнопку новомодного звонка.

– Кто там? – раздался высокий грудной голос.

– Уголовный розыск.

Послышался лязг засова и дверь открылась. На пороге возник дородный мужчина лет за пятьдесят, одетый в шёлковый домашний халат. На его голове уже наметилась плешь, которую тщетно пытались прикрыть длинные, зачёсанные кверху пряди бесцветных волос. У него был круглый подбородок и капризный рот. Нос казался слишком длинным и тонким для такого массивного лица. К нему примостились узкие очки в позолоченной оправе. Настороженный взгляд перескакивал с одного детектива на другого.

– Гражданин Дормедонтов? – осведомился Кудрявцев.

Чиновник соорудил удивлённую гримасу. То, что кто-то может его не знать, стало для него открытием.

– Разумеется. В чём дело, господа?

В его тоне слышалось нескрываемое раздражение. Очевидно, он считал, что такую важную персону, как он, должны беспокоить лишь по делам стратегической важности.

– Давайте пройдем и присядем, – произнёс Русаков. – Это касается Йога Рамачакранты.

Имя гуру подействовало на него магически. Напускная величественность тотчас же улетучилась, уступив место беспокойству. Он нервно облизнул пересохшие губы и учащённо заморгал.

– Проходите.

Квартира Дормедонтова представляла собой филиал лавки Рамачакранты. В ней царил тот же мистический полумрак из-за того, что шторы на окнах были задёрнуты. В чашах с благовониями курился фимиам, в голубоватом дыму которого не было видно стен и пола. Иногда Русаков натывался на тот или иной предмет – они были расставлены хаотично, будто бы их принесли, поставили на первое попавшееся свободное место и так и оставили.

Дормедонтов провёл гостей в гостиную. Широким жестом он указал сыщикам на два кожаных кресла, а сам расположился в третьем. Прежде чем сесть, Русаков отметил метровый слой пыли на этой роскошной мебели.

– Кажется, я вас знаю, – сказал чиновник. – Вы – полковник Русаков, бывший начальник службы криминалистической экспертизы. Насколько мне известно, вы на пенсии.

– Это не мешает мне служить обществу в качестве консультанта.

– В самом деле... Так что случилось с Учителем? Сегодня я пытался дозвониться до него, но безуспешно.

– Сожалею, но ваш друг мёртв, – сообщил Кудрявцев.

По лицу Дормедонтова было трудно понять его реакцию. Если оно и раньше не отличалось выразительностью, то теперь оно и вовсе будто бы стало каменным.

– Его убили? – спросил он.

– Да.

– Ограбили?

– Такая возможность не исключается.

– Чтож, он достиг нирваны, вечного покоя. Учитель часто повторял, что состояние отсутствия страданий достигается только через страдания. Но нам, его последователям, будет очень его не хватать. Он научил меня многому: благодаря медитациям я стал меньше поддаваться стрессам и встал на путь своего духовного раскрытия. Но я далёк от состояния свободы чистого духа, во мне ещё остаётся много физического. И прежде чем достигнуть нирваны, мне предстоит не одно перерождение...

Русаков с интересом слушал его излияния, но Кудрявцев был более нетерпелив.

– Давайте вернёмся к делу. Йог Рамачакранта – это его настоящее имя?

– Нет. Это скорее титул. Его звали Радж Калам, или как-то в этом духе, не помню точно.

– Чем он зарабатывал на жизнь? Торговлей сувенирами?

– Нет, что вы. В его деятельности не было никакой коммерции. Материальное давно не интересовало его, ибо он достиг уровня мокши – свободы от желаний. Рамачакранта жил исключительно на добровольные пожертвования учеников. В том числе и на мои. Много ему не требовалось, он мог по несколько дней обходиться без пищи. Если он и продавал сувениры, то лишь потому, что многие в нашем городе жаждали приобрести какую-нибудь вещь, пропитанную его благодатной энергетикой. Считается, что они оказывают целебное действие.

– Понятно. Что вы ещё можете рассказать о покойном?

– Насколько мне известно, он родился в Индии, в маленьком бедном селе высоко в горах, там, где берёт начало великая река Брахмапутра. С ранних лет его влекло к мудрости, потому что он был реинкарнацией Великих Махатм. В восемнадцать лет он ушёл из дома и поселился в пещере, где проводил время в медитациях и в общении с духами Великих Махатм. От них он узнал все таинства йоги и научился смирять свою плоть.

– Как он тогда оказался в нашем городе?

– В какой-то момент Великие Махатмы решили, что он сам должен стать Махатмой, то есть учить других духовным практикам. Для этого он должен был выбрать самую дальнюю от Родины страну, жители которой меньше всего знают о йоге и больше всех в ней нуждаются. Такой страной оказалась Россия, и Йог Рамачакранта приехал сюда.

– Сколько постоянных учеников у него было?

– Около пятидесяти. Это люди из разных слоёв населения. Но они составляют духовную элиту нашего общества.

– А вы, как мы понимаем, были самым близким его учеником?

– Все мы были близки к нему в равной степени. Но я был первым его последователем, и первым, кто, если можно так сказать, обратил на него внимание. В определённой мере я оказывал ему протекцию. За это время мы по-человечески сдружились.

– У вас есть ключи от чёрного хода лавки?

– Да. В своё время я помог ему найти это помещение, и я решил, что на всякий случай мне стоит иметь при себе запасные ключи. Вдруг Махатма уйдёт в астрал, а мне будет нужно что-нибудь в лавке.

– В самом деле. У кого ещё есть ключи?

– У администратора здания, слесаря и уборщицы.

– Они тоже последователи его учения?

– Некоторые из них.

Неожиданно в кармане Кудрявцева зазвенел телефонный звонок. Глянув на экран, майор произнёс:

– Начальство беспокоится. Прощу прощения, я должен ответить. Выйду в коридор, чтобы вам не мешать.

Майор ушёл, и беседу продолжил Русаков.

– В наше время редко встретишь таких бескорыстных людей, как ваш махатма.

– Плохо, что вы не знали его. Более честного и человеколюбивого мужа вы и в самом деле не сыскали бы.

– А я знал его.

Эксперт заметил, что Дормидонтов напрягся.

– Правда, моё с ним знакомство было лишь поверхностным. Не так давно я заходил в лавку и общался с ним. Не могу сказать, что Йог Рамачакранта был рад моему визиту. Скорее всего я отвлёк его от медитации.

– Он был рад любому гостю. Просто вы, видимо, не так завели разговор.

– Да, скорее всего. Моё внимание привлекла одна необычная статуэтка. Видите ли, мне доводилось несколько раз бывать в Индии, и я достаточно неплохо знаком с местными народными промыслами и искусством. Но такой статуэтки мне никогда не приходилось встре-

чать ранее. Потому я совершенно естественно полюбопытствовал, что это такое. Но ответа от махатмы так и не добился.

– Быть может... он вас не так понял... или вы... не так поняли его... – промямлил чиновник.

Под волосами на лысине заблестели капельки пота.

– Да, вполне возможно, – согласился Русаков. – Быть может, вы расскажете мне, что это за статуя? Вы же тоже неплохо в этом разбираетесь.

– С радостью просветил бы вас, но я не понимаю, о чём идёт речь.

– Она стояла на полке за спиной Рамачакранты. Большая каменная статуэтка в виде головы мужчины.

– Нет, нет. Ничего подобного не припомню...

– Ну как же? Она там на самом видном месте.

– Вы что-то путаете, полковник. Вы были там всего один раз, я же навещал учителя почти каждый день в течение без малого пяти лет.

– Я показал бы её вам, но статуя исчезла.

– Скорее всего, её там никогда и не было.

Он отёр рукавом халата свой массивный выпуклый лоб. Струи пота уже начинали заливать глаза.

– Ладно, что поделать.

– Терентий Гаврилович! – крикнул из коридора Кудрявцев. – Можете выйти на минутку?

– Прощу прощения.

Русаков поднялся и вышел в коридор, где его ждал Кудрявцев. Майор толкнул дверь в другую комнату – по-видимому, спальню чиновника.

– Это оно? – спросил он, направив луч карманного фонарика на надменное лицо с крупными чертами, высеченное из грубого камня.

– Оно самое, – ответил Русаков.

Он подошёл к каменному божку, с усилием поднял его с пола и осмотрел его нижнюю часть.

– А вот и пятно грязно-бурого цвета. Бьюсь об заклад, что это кровь. Экспертиза скажет точнее, совпадает ли она с кровью убитого. Но это однозначно нужно изъять.

– Дело в шляпе! – Кудрявцев довольно потёр ладони.

Сыщики вернулись в комнату, где их со скрываемым нетерпением ждал Дормедонтов. Чиновнику было невдомёк, что никакое начальство майору не звонило, а это незаметно для него сделал сам Русаков, чтобы у того возник повод пошарить по квартире. Заметив в руках Кудрявцева статуэтку, Дормедонтов обмяк и равнодушно уставился в какую-то точку над их головами.

– Зачем же вы солгали мне? – спросил Русаков. – Речь шла именно об этом, и вы это прекрасно понимали.

– Сожалею, но вам придётся проехать с нами, – произнёс начальник уголовного розыска.

Они ожидали, что начальник отдела городского казначейства начнёт возмущаться, грозить жалобой прокурору или самому мэру, ругаться и всячески подчёркивать своё высокое положение. Но он, к удивлению, лишь окинул их высокомерным взглядом и картинно протянул пухлые руки вперёд.

– Этого не понадобится.

– Но ведь я арестован?

– Нет. Мы просто продолжим беседу об индийском искусстве, но не здесь.

* * *

Всю дорогу до управления уголовного розыска задержанный угрюмо молчал, по-детски надув губы. Его отвели в крохотный кабинет Кудрявцева, где он занял два стула и почти всё свободное пространство. Пропавшую статуэтку отправили на экспертизу, в результатах которой никто почти не сомневался. Они были готовы к самому появлению Ковыльца, закончившему работу на месте преступления.

– Группа крови на статуе совпадает с группой крови «достигшего nirваны», – сообщил ему Кудрявцев. – Что даёт основания считать, что орудием этого самого достижения послужила именно она.

Следователь повернулся в сторону Дормедонтова, который продолжал изображать смирение со своей трагической судьбой.

– Гражданин Дормедонтов, поясните, пожалуйста, как в вашей квартире оказался этот предмет? – деликатно спросил он.

Внешне Ковылец выглядел человеком вполне безобидным. В его взгляде, напроць лишённом агрессии, читались жизненная мудрость и страдание за весь мир. Говорил он всегда вежливо и уважительно спокойным приятным баритоном, никогда не повышая голоса. В то же время любой представитель преступного мира предпочёл бы попасть на допрос к грубому громиле, чем к нему. Любезно и неторопливо он мог «пытать» упрямцев по несколько часов подряд, пока у того не кончалось терпение и он не сознавался во всём.

Майор Кудрявцев был более нетерпелив, потому не чурался методов по жёстче. Он также не любил повышать голос и прибегать к угрозам. Его метод заключался в том, чтобы создать допрашиваемому такую ловушку, из которой тот не выберется; поймать его на лжи, и уж тогда тому самому придётся вывернуться наизнанку.

– Почему, когда вас спросили о статуе, вы делали вид, что не знаете, о чём идёт речь? Вы ставите себя в трудное положение. Хотя, по-вашему, это и помощь в достижении nirваны, но за это вы можете получить реальный тюремный срок.

Эта перспектива поколебала его планы хранить молчание.

– Хорошо, – процедил он. – Я объясню вам. Но я его не убивал. Когда вы пришли ко мне, я знал, что учитель мёртв. Вчера вечером я, воспользовавшись ключом, вошёл в лавку с чёрного хода и обнаружил его с окровавленной головой. Этот, как вы выразились, предмет, лежал на полу под прилавком. Я, конечно же, растерялся. Первое, что пришло мне в голову, поднять его с пола. Когда я сделал это, то почувствовал непреодолимое желание унести его с собой. Я сунул его в пакет и выбежал из лавки так же, как и вошёл. Это всё.

Закончив речь, он уставился на крышку стола, и в дальнейшем отвечал на вопросы односложно, механическим голосом, изредка разбавляя нехитрые ответы фразой: «Я его не убивал.»

– В котором часу вы зашли в лавку? – спросил Русаков.

– В восемь.

– Ну, да. Казначейство находится в двух минутах от лавки... Лавка уже была закрыта?

– Нет.

– Вы всегда пользуетесь чёрным ходом?

– Да.

– Вы закрыли за собой дверь? – спросил Ковылец.

– Нет.

– Вы сразу поняли, что он мёртв?

– Да.

– Почему вы не вызвали милицию? – задал вопрос Кудрявцев.

– Не знаю.

– Почему эта статуя похожа на вашего учителя?

Это была одна из ловушек майора. Выбраться из неё Дормедонтов не мог, но его спас телефонный звонок, на который начальник уголовного розыска должен был ответить. Подозреваемый вновь оказался в руках Ковыльца.

– Если смерть была для Рамачакранты не концом жизни, а лишь неким переходным этапом, за которым начнётся другая жизнь, то убийство расценивается его учениками не как преступление, а наоборот.

– Я его не убивал.

– Этого никто и не утверждает. Я хочу спросить: как по-вашему, кто-нибудь из благодарных учеников мог из самых благих побуждений помочь учителю обрести вечный покой?

– Нет.

– Почему?

– Он никогда не бросил бы нас.

– Весомо. Давайте вернёмся к статуэтке. Кого она всё-таки изображает?

– Великого Махатму.

– Давайте называть вещи своими именами, – жёстко предложил Кудрявцев, положив телефонную трубку на рычаг. – Мы все уже догадались, что эта статуя, а точнее, идол, изображает самого Рамачакранту. Если уж полковник Русаков утверждает, что таких статуй в Индии нет, то я ему верю. Он вообще почти не ошибается, а уж в таких вещах тем более.

– Это статуя Великого Махатмы! – повторил Дормедонтов.

– Больше мы ничего не добьёмся, – констатировал Кудрявцев.

– Я полагаю, что гражданина Дормедонтова следует отпустить под подписку о невыезде, учитывая его возраст, состояние здоровья и служебное положение, – предложил Ковылец.

– Хорошо. Я отправлю с вами одного из моих людей, пока мы не можем оставить вас без присмотра, – согласился Кудрявцев.

Чиновник не реагировал, всем своим видом демонстрируя, что ему безразлично, каким образом решат его участь.

Когда в сопровождении сотрудника розыска Дормедонтов покинул кабинет, Ковылец обратился к Русакову, всё это время сидевшему с отрешённым видом в углу кабинета и погружённого в свои размышления.

– Ну-с, что вы обо всём этом думаете? Его история похожа на правду?

– Вполне. Он утверждает, что обнаружил труп Рамачакранты в восемь часов вечера. В это время лавка обычно ещё открыта. Однако, продавец соседнего магазина, обнаруживший труп утром, говорил нам, что лавка была заперта. Раз Дормедонтов забыл запереть чёрный ход, то вряд ли он позаботился о парадном. Следы на снегу принадлежат ему, следовательно, лавку мог запереть либо сам махатма, либо убийца, вошедший через главный вход и вышедший так же.

– Но какой мотив? – спросил Кудрявцев. – Он есть только у Дормедонтова – завладеть идиолом.

– А что, если убийство было ритуальным? – предположил Ковылец. – Я не зря так подробно расспрашивал его о благодарных учениках.

– Да, вашу версию нельзя сбрасывать со счетов. Итак, коллеги, у меня есть кое-какие мысли, но для начала я должен их проверить. Предлагаю вам встретиться здесь же в шесть часов вечера, чтобы сверить всё, что нам удалось наработать и обсудить план действий.

– Не возражаю, – ответил следователь.

– Согласен, – поддержал Кудрявцев.

И все трое разошлись: Ковылец поехал в прокуратуру допрашивать вызванных свидетелей, Кудрявцев засел за составления плана оперативных мероприятий, необходимого для отчёта начальству, а Терентий Русаков отправился в городскую библиотеку.

В условленный час они вновь собрались в кабинете начальника уголовного розыска. Старший следователь ещё больше напоминал разбуженную сову. В пепельнице Кудрявцева скопилась гора папиросных окурков. Лишь Русаков казался таким же неутомимым, как и с утра.

– Ребята тут поработали, – начал майор. – Установили перечень лиц, наиболее часто бывавших в лавке. Всего их восемнадцать. Разумеется, Рамачакранта прочищал мозги гораздо большему количеству народа, но эти самые преданные последователи. Десять из них имеют железное алиби, остальные восемь, включая Дормедонтова, имели возможность совершить преступление. Если учесть, что оружие убийства весит пятнадцать килограмм, то четырёх из них можно исключить из списка подозреваемых: это три старушки и дряхлый дед. Остаются четыре человека: Дормидонтов, художник-абстракционист Бредрих, журналист Пургин и личность без определённых занятий Порожний. Всех их сейчас проверяют вдоль и поперёк, но Дормедонтов всё равно подозреваемый номер один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.